

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ. НИДЕРЛАНДЫ, ГЕРМАНИЯ

Эразм Роттердамский и литература Нидерландов эпохи Возрождения

Эразм Роттердамский - одна из самых ярких, именитых, выдающихся личностей эпохи, породившей множество талантов, даже гениев, даже титанов духа и культуры. Голландец, он славою и влиянием превзошел представителей более мощных и крупных государств. С ним переписывались все лучшие умы человечества, с ним добивались встречи так же, как потом будут добиваться встречи только с Вольтером и Гете.

Иногда так случается: в какой-нибудь, казалось бы совсем не подходящей среде, вдруг появляется звезда первой величины, как то было с Данте, или Камюэнсом, или Ломоносовым. Тем интереснее пристально посмотреть не только на саму звезду, но и на ее окружение. И если мы посмотрим пристальнее, то поймем: никогда нельзя говорить: «Появился, как бог из машины», ведь и сама машина кем-то была создана.

Словесность Нидерландов сложилась на основе фольклора и фламандско-брабантской литературной традиции рано - уже в XII веке. Другое дело, что ее авторы теперь или совершенно забыты, или известны лишь узким специалистам. Но именно тогда, в XII веке, работал первый автор, чье творчество стало известно всей читающей Голландии, - Хендрик фон Фельдеке. А к XV в. Нидерланды знали и любили уже многих своих писателей: Герта Гроте, Фому Кемпийского, Анну Бейнс, Яна ван Рейсбрука, Гедвигу Антверпенскую. Так что Эразм появился, разумеется, не на пустом месте.

Что же касается общего развития культуры, то в этом смысле Нидерланды весьма богатая страна. Лидирующее положение среди прочих искусств здесь занимала живопись. Именно она открыла мир голландцам и миру голландцев. Уже в первые десятилетия XV в. являются гении братьев ван Эйков, ван дер Вейдена, ван дер Гуса, Мамлинка, Иеронимуса Босха. Думаю, перечисленных имен достаточно, чтобы понять, какой масштаб был у голландской школы живописи.

Далее - музыка. Нидерландская полифоническая школа XV - XVI вв. оказала огромное воздействие на всю европейскую музыку эпохи Возрождения. Именно голландцы Дюпре, Окегем, Обрехт, Вилларт, Лассо стали родоначальниками школ полифонии во Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Чехии; именно голландцы создали классические образцы важнейших музыкальных жанров: мессы, мотета, мадригала, шансона и заложили тем самым основы инструментальной музыки Нового времени. Понятно, что школа полифонии для музыки - то же самое, что перспектива для живописи.

Итак, период от конца первой трети XV в. и до последней трети XVI в. (творчество П. Брейгеля) - это и есть временные границы Ренессанса в Нидерландах.

Вернемся теперь к словесности.

Отличительным явлением в истории литературы этой страны была активная деятельность риторических кружков, так называемых рейдекеров (камер риторов). Именно риторы усовершенствовали до виртуозности технику стихосложения, рифмовку, ввели новые формы: оду, сонет, эпиграмму. Они же заложили фундамент национального театра. Из их среды вышли многие гуманисты, ибо там ценилась ученость. Ученые же, как вы понимаете,

частенько любят читать нравоучения. Такой - ученой, нравоучительной - в целом была поэзия фламандца Антониса де Ровера, антверпенского купца Корнелиса Крюла (XV в.).

Но в начале следующего столетия в творчестве Анны Бейнс (1493 - 1575) побеждает уже настоящая поэзия. Темы поэтессы: несчастная любовь женщины, страстная ненависть католички к инакомыслящим, протестантам.

Фламандский клирик Маттейс де Кастелейн прославился своими песенками (он сочинял и стихи, и музыку), он же был автором большой поэмы «Искусство риторики». Кастелейн же первым в Нидерландах обратился к метрическим стихам.

Антверпенец ван Тистеле перевел Теренция, Софокла, Овидия, Вергилия и Горация.

Риторами же были и многие из народных поэтов эпохи Нидерландской буржуазной революции и Антииспанской войны, тех, кто называл себя гёзами. Роман Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель» талантливо, красочно и занимательно рассказывает все то, что я излагаю здесь сухо и кратко, и потому рекомендую вам обратиться к этой книге.

Ниже привожу одну из песен гёзов в переводе В. Топорова. Обратите внимание на изощренность рифмовки, общей техники стиха, чем-то напоминающей лирику трубадуров, хотя, казалось бы, зачем революционной песне такая техническая виртуозность, ведь там прежде всего важно содержание? Сравните этот текст, например, с текстом «Интернационала» или отечественными революционными песнями, - и, может быть, ничто иное лучше и нагляднее не покажет вам, в чем же собственно культурное преимущество эпохи Возрождения перед прочими. А ведь это всего лишь профессиональный перевод, по определению не способный передать в поэзии главного - пламени духа и крови сердца.

Воспрянем и грянем во славу Господню,
Пред битвой молитвой и верой сильны.
Отец всеблагой! Ты порукой сегодня,
Что мы сокрушить супостата должны.

В сраженье и рвенье - отмщение Божье,
И чудо повсюду - отрадой для глаз.
Воспрянем из праха! Расправимся с ложью,
Ведь правда за нами и вера за нас!

Серьезно и грозно Испанца мы ждали,
Который, как воры, ворвался в наш дом:
Молитвы умолкли, мечи заблестали -
Изрубим, изрежем и вспять повернем!

Рядами пред нами чужие солдаты,
Доныне гордыней известны своей,
Но праведный меч сокрушит супостата,
Да будь он, проклятый, хоть втрое сильней!

Не все гёзы сегодня безымянны. Сохранились имена Адриана Валериуса, Филиппа Марникса, Яна Утенкиве, Петруса Датена.

Что же касается главных творцов Ренессанса - гуманистов, то в Нидерландах они собирались в особые союзы, или коммуны - «братства совместной жизни». Первое такое братство было

основано в 1374 г. (как раз в год смерти Петрарки) сыном девентерского патриция Гертом Гроте (1340 - 1384). В общем-то, это, конечно, монастыри, в которых утверждалась идея личного обращения к Богу и веры по внутреннему убеждению, подобные братства скоро распространились по всей стране, при них организовались латинские школы, а с конца XV в. печатники Девентера стали издавать Гесиода, Плутарха, Эзопа, Вергилия, Петрарку, Лоренцо Валлу и др.

Таким образом, гуманизм и Реформация (с испанцами-то воевали не в последнюю очередь за свободу веры, и монастырские коммуны, воплощавшие свободу индивидуальной веры - тоже ересь с точки зрения Ватикана) в Нидерландах имели общие истоки. В течение XV и начала XVI в. они дифференцируются, а знаменитая полемика 20-х гг. XVI в. между Эразмом и Лютером о свободе воли проводит между гуманистами и реформантами окончательную границу.

Преемники Гроте, воспитанники латинской школы в Гронингене Вессел Гансфорт и Рудольф Хюсман по прозвищу Агрикола едут в Италию, где приобщаются к ренессансной культуре.

Агрикола (1443 - 1495) - поэт, живописец и музыкант - провел в Италии десять лет (1469 - 1479), штудировав и переводя античных авторов. Написанная им в Ферраре для студентов университета «Речь во славу философии и остальных искусств» стала манифестом гуманистической философии. Он был первым нидерландским homo universalis. Он же был первым критиком схоластов. Его труд «Об искусстве спора» оказал колоссальное влияние на многих гуманистов. Эразм считал Агриколу «отцом немецкого гуманизма».

К концу XV в. Лёвен, а с начала XVI в. и Антверпен приобретают европейскую репутацию культурных центров.

Мировую славу нидерландскому гуманизму принес Эразм Роттердамский. Это псевдоним Герта Гертсена (1466 - 1536), писавшего на латыни и бывшего одним из лучших мастеров латинской прозы эпохи Возрождения.

Эразм был гражданином мира (космополитом), он жил и учился в разных странах Европы: во Франции и Англии, Швейцарии и Германии; он был одним из лидеров общеевропейского гуманизма, а уж для немецкого - имел значение исключительное.

Сын классически образованного человека, Эразм начал образование в латинской школе при девентерском братстве у ученика Агриколы Александра ван Хека. Он слушал лекции самого Агриколы, который предсказал юноше большое будущее. Позднее Эразм учился в школе девотов, в монастыре близ Гауды. Здесь он начал работу над «Книгой антиварваров» - первым своим истинно ренессансным сочинением. Здесь же избрал он навсегда и образ жизни. Всю жизнь Эразм будет исповедовать независимость, непрестанное учение, прежде всего штудирование древних, ученую беседу в кружке образованных друзей. Все это, как вы знаете, составляло стиль жизни итальянских гуманистов.

Большую роль в духовном становлении Эразма сыграло близкое знакомство с кружком оксфордских гуманистов-реформаторов, в который входили Джон Колет, Томас Мор, Джон Фишер, призывавшие к научно обоснованному изучению священных текстов.

Именно в Англии Эразм глубоко окунулся в атмосферу идей неоплатоников, то есть италянизировался, не побывав в Италии. Он самостоятельно изучил греческий, чтобы в подлиннике читать Евангелия. Эти поиски синтеза священных текстов и античной учености по сути означали реформу теологии.

Филологическое прочтение Библии подрывало основы церковной догмы, ибо от идеи свободы веры Эразм пришел к свободе мысли и воли. Он придал богословию характер светской науки, внес в него гуманистическое начало.

В общем, Эразм хотел создать гуманистическое христианство, одухотворить его языческой культурой, которую воспринимал как необходимый этап развития на пути человечества к мировой гармонии.

В 1500 г. в Париже выходит сборник Эразма «Пословицы» - книга изречений и притч древних авторов, библейских текстов, «отцов церкви». Это, разумеется, не просто подбор текстов: здесь работа и составителя, и переводчика, и комментатора. За 36 оставшихся Эразму лет книга выдержала 4 издания и 31 перепечатку. Автор возвращался к ней всю жизнь, дополняя и перерабатывая. От 818 пословиц первого издания - к 4151 в последнем: так работал Эразм.

Эту книгу дополнили сборники античных афоризмов «Параболы» и «Апофтегмата».

Но это, как говорится, капля в море. Основные труды зрелого Эразма следующие: сатирический шедевр «Похвала глупости», большой том диалогов на разнообразную тематику «Разговоры запросто» (другое название «Домашние беседы»), трактаты «Воспитание христианского князя», «Язык, или Об употреблении языка на благо и во вред». Необыкновенный успех имела его книга «Христианский воин». Но и это еще не все.

В 1517 г. Эразм впервые осуществил издание греческого текста Нового Завета с учеными комментариями параллельно с собственным новым переводом его на латынь, значительно уточненным по сравнению с предыдущими. «Евангелие от Эразма», собственно, стало завершением долгой коллективной работы Лоренцо Валлы, Марсилио Фичино, Анджело Полициано по очистке древних священных текстов от позднейших наслоений. Подобно тому как кропотливо работают реставраторы старых полотен, действовали и эти филологи, прежде и успешней всего Эразм.

Все его труды поистине бесценны, но главный успех писателя выпал на долю маленькой книжки, которую сам он считал милым пустячком. Именно этот пустячок принес ему литературное бессмертие, более того актуальность в читательских кругах на все времена. Речь идет о написанной в 1509 г. «Похвале глупости», в которой с непередаваемым юмором рассматривается общество во всех его проявлениях, вскрывается суть жизни, счастья, знания, веры.

Это одновременно художественное произведение, философский трактат, психологическая и богословская работа. Композиционно же «Похвала глупости» - строгий образец ораторского искусства, блестящая пародия на схоластику и - неожиданно для ученого латиниста - высоко поэтический текст.

Аристотелевская идея совпадения противоположностей пронизывает всю структуру книги. Здесь совмещаются убийственная сатира на бездуховность как отживающего феодализма,

так и нарождающейся буржуазии - и панегирик неугомонному человечеству. Ирония и шутовство неожиданно обретают черты лирики и трагизма.

Книжка посвящена Томасу Мору, «столь далекому от ее существа». Таким образом уже в посвящении парадокс заявлен как основной конструктивный принцип. И в дальнейшем книжка так и строится, на парадоксе: и похвала глупости (разве можно всерьез хвалить глупость?), и похвала глупости самой себе (похвальба глупости - кто таковой не слышал?). Сказанное, согласитесь, подтверждает актуальность Эразмовой книжки и сегодня: ничто не ново под луной... но как многое под ней, к сожалению, неизбывно!.. Уж глупость-то во всяком случае.

Или другой важнейший прием-парадокс книжки: насмешка над глупостью есть защита мудрости, но защита мудрости глупостью - есть дискредитация самой мудрости.

А глупость пронизывает в мире всё и вся, а за ее спиной стоит философ, скептически созерцающий мир и сталкивающий взаимоисключающие истины. Похоже, что самое главное из многого, заложенного в коротенькой, игровой по сути «Похвале...», идет от греческих мудрецов и мыслителей, причем не столько от софистов, сколько, пожалуй, от самого Сократа.

Осмеемо в ней, конечно, всё - от постели до веры. Это понятно. А вывод? А вывод таков: человек двойствен - наполовину от Бога, наполовину от черта, значит и выход для него в симбиозе глупости и мудрости, чего может достичь только просветленная душа, пользующаяся по своему усмотрению телесными органами, ибо ведь ничто человеческое ей не чуждо.

Только при жизни автора «Похвала...» выходила 40 раз. Ей и суждено было стать чем-то вроде эмблемы нидерландского и немецкого гуманизма. И, конечно, ей суждено было быть в прямой и косвенной форме многократно продолженной другими писателями, иными поколениями. Написанная почти одновременно со столь же знаменитой сатирической поэмой Себастьяна Бранта «Корабль дураков», «Похвала глупости» стоит в начале жанра тотальной пародии, тотальной сатиры. Ею порождены будут и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, и испанские пикарески, и похождения Чичикова, и Остапа Бендера с Кисой Воробьяниновым, и Степы Лиходеева...

Не меньшего, а при жизни автора еще большего признания добилась другая его книга, «Разговоры запросто» (1518 г.). Эразм увидел 100 изданий этого сборника диалогов (можно сказать - одноактных пьес), серьезных и иронических, сатирических и душеспасительных, философских и обывательских, кабинетных и уличных, в которых неизменно раскрываются простые и сложные жизненные истины.

Энциклопедист по призванию и дарованию, Эразм вслед за словарем афоризмов и сатирической энциклопедией создал энциклопедию житейскую - книгу о всякой всячине. Используя форму диалогов Платона, но в духе Лукиана, Эразм в конечном счете призывает человека найти свою сущность, обрести собственную личность в безумии общественного лицедейства.

И вот эта-то книга, а не, казалось бы, более острая и непримиримая «Похвала глупости» вызвала огонь критики со стороны схоластов. Сорбонна, их бессмертный ученый оплот, в 1526 г. осудила книгу как «скандальную и нечестивую», а самого Эразма назвала

«язычником, который насмехается над религией и ее святыми обрядами и обычаями». Абсолютно так же отреагировал на «Разговоры» и лютый враг Ватикана, а вместе с ним и Сорбонны Мартин Лютер, некогда друг Эразма, а теперь жесточайший его недоброжелатель. Начиная со второй половины XVI в. «Разговоры запросто» регулярно попадают в «Индекс запрещенных книг». Но успех их (шутка ли - сто переизданий за двадцать с небольшим лет!) был непреодолим. Да что переиздания - сколько было подражаний!.. В 1716 г. по личному распоряжению Петра Великого у нас переводятся и издаются извлечения из «Бесед...» под названием «Разговоры дружеские Дезидерия Ерасма».

Помимо книг, Эразм оставил обширнейшую переписку: с художниками Альбрехтом Дюрером и Хансом Гольбейном (который, кстати, блестяще проиллюстрировал «Похвалу...»), с издателями Манунцием и Фробеном, с деятелями церкви Фишером и Лютером, с философом Бюде и политиком лордом Маунтджоем.

Великий гуманист из маленькой страны стал властителем дум всей Европы. Недоброжелатели говорили о нем: «Эразм заразил всю Фландрию», «Эразм привлек на свою сторону больше верующих, чем Лютер и Цвингли». Но считать, что он разделял идеологию протестантизма было бы ошибкой. Разумеется, он по-своему прочел и истолковал Библию, разумеется, он жестко критиковал католицизм (кто не критиковал его, вполне заслужившего критику, в те времена?), однако в 1524 г. Эразм в своих трудах «Диатриба о свободе воли» и «Заступник» открыто и гласно, как вообще все, что делал, отмежевался от лютеранства. Гуманист и гражданин мира вновь подчеркнул собственные принципы: свобода воли, вероисповедания, морального выбора.

В конечном счете, Эразмова «свобода воли» была, вероятно, вообще внетеологической, что, конечно же, почувствовали и католики и лютеране. И те и другие во времена Эразма были чаще всего нетерпимы (как, кстати, позднее и атеисты - атеизм ведь, в сущности, тоже вера, породившая толпы фанатиков). Он же - напротив. Вот образец высказываний полемистов:

Лютер: «Лучше разрушить гуманизм, чем религию, ежели гуманизм восстает против христианства».

Эразм: «Пусть Цвингли и Будар вдохновляются Духом - Эразм всего лишь человек, и не в силах понять того, что касается Духа». Как говорил один всем известный политик: «Мы пойдем другим путем».

Эразм прошел своим путем, нисколько не сопоставимым ни с дорогой Лютера, ни с дорогой социальных революционеров, путем, чуждым «наглости» протестантов и «тирании» католиков. Это путь знаний, путь творчества, дорога того самого Духа, постигнуть который Эразм в письме к Лютеру лукаво отказывался.

Этот путь Эразма и его учеников и последователей, вероятно, вызывает у агрессивной идеологии нечто вроде идеосинкразии. Оттого и самого Эразма, и его учеников и последователей, и, конечно же, их сочинения преследовали и запрещали во все времена. Но книги можно запретить, человека можно уничтожить или упрятать в тюрьму, однако воистину «слово - не воробей», и озвученную идею не запретишь и не остановишь никакими полицейскими мерами: ни католическими, ни лютеранскими, ни православными, ни чекистскими, ни гестаповскими. Как говорил Хемингуэй: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». И идеи Эразма жили и развивались едва ли не всеми великими писателями всех времен: и Рабле, и Марло, и Маргаритой Наваррской, и Монтенем, и

Филиппом Сидни, и Шекспиром, и Сервантесом. И это только в эпоху Возрождения. А уж о просветителях XVIII в., на этих идеях воспитанных, и говорить нечего.

Эразму посвящено множество книг. Одна из лучших, вполне доступных рядовому читателю, - большой очерк Стефана Цвейга, к которому я и отсылаю вас за новыми знаниями. Но лучше всего, конечно, читать самого Эразма. Хотя бы «Похвалу глупости».

В заключение - вопрос. Был ли Эразм действительно одинокой скалой в нидерландской литературе того времени, подобно тому, как одинокой скалой в литературе португальской был Камоэнс? Наверное, и да и нет. Такого масштаба литератор в Нидерландах был один, но литература вообще существовала, и даже очень хорошая. Прежде всего поэзия.

Назову трех крупных поэтов. Это Питер Корнелисон Хофт (1581 - 1647), сын амстердамского бургомистра, виднейший голландский петраркист, Йонкер Ян ван дер Нот (1539 - 1600), дворянин и участник восстания гёзов, голландской нищеты (вследствие чего надолго ставший эмигрантом), «открывший» для своей литературы сонет, оду и александрийский стих, и Ян Эверартс (1511 - 1536), писавший под псевдонимом Иоанн Секунд. Последний прожил очень короткую жизнь, однако успел издать книгу лирических шедевров на латыни «Поцелуи», где он, казалось бы, и буквально и содержательно идя вослед великому римлянину Катуллу, тем не менее создает истинные поэтические шедевры, которым будут подражать не только Ронсар и поэты «Плеяды», но сам Шекспир и Бен Джонсон. Языческое мироощущение автора «Поцелуев» сочетается в этих стихах с эразмианской терпимостью, любовь к классической культуре с универсальностью интересов. Одним словом, книга этого юноши давно и прочно вошла в золотой фонд мировой литературы.

Закончим нашу беседу тремя стихотворениями упомянутых поэтов.

Иоанн Секунд

Из книги «Поцелуи»

Слишком звонкие я, говорят, даю поцелуи,
Как не наказывал нам предков суровых уклад.
Да, когда шею твою обнимаю я жадным объятьем,
От поцелуев твоих изнемогая, мой свет, -
В страхе ставлю вопрос, что и кем обо мне говорится,
Кто я и где нахожусь, вспомнить почти не могу...
Но, услышав, рассмеялась красotka Неера и тут я же
Шею мою обвила вокруг белоснежной рукой.
И поцелуй мне дала, сладострастней которого вряд ли
Киприи нежной уста Марсу несли своему.
- Что, - говорит, - иль боишься ты строгой толпы осуждения?
Я ведь одна лишь могу быть в этом деле судьей!

(Перевод с лат. С.В. Шервинского)

Йонкер Ян ван дер Нот

Я лань увидел в благостной долине.
Вокруг нее шумел веселый лес
(Цвела весна по милости небес),
Она была под стать живой картине.

Она лежала гордо посредине
Лужайки, над ручьем, в тени древес.
Тот непорочный образ не исчез -
В моей душе храню его донныне.

И я за ней последовал с тех пор
И воспеваю золотой убор
Вкруг шеи гордой - в мире нет чудесней.

Я буду весел, доблестен и смел,
Чтобы никто злонаправно не посмел
Ее встревожить недостойной песней.

(Перевод Е. Витковского)

Питер Корнелисон Хофт

Сударыня, коль беречь
Рифмованные посланья
Вам негде, без колебанья
Швырните их прямо в печь.

Не страшно, что они снова
Встретятся там с огем,
Ибо когда-то в нем
Рождалось каждое слово.

(Перевод В. Орлова)

Немецкая литература эпохи Возрождения

XIV и XV вв. в Германии - время кризиса ее феодальной системы, бесконечной чреды княжеских смут. Имперские рыцари постепенно превращались в разбойников на больших дорогах. Страну охватывало брожение, со временем приведшее к потрясениям эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. Горожане поднимались на борьбу с феодалами, - и германские земли наполнялись их звонкими сатирами. А города тем временем достигают значительного культурного расцвета. Недаром именно в Германии в середине XV в. было изобретено книгопечатание. К концу столетия типографии имелись уже в 53 немецких городах.

Как известно, первой на потрясения времени откликается обычно поэзия. Около 1300 г. появляется поэма в 25 тыс. стихов Гуго Тримбергского (1235 - 1313) «Скакун». Она представляла собой проповедь о семи смертных грехах и охватывала всю палитру современных ей нравов. Автор ее - истинный бюргер, отсюда и главная идея поэмы: соблюдать во всем меру. Вслед за Гуго пошли австриец Генрих Тейхнер и знаменитый баснописец из Швейцарии Ульрих Бонер. Сборник басен последнего был издан одним из первых, когда появилось книгопечатание, - уже в 1461 г. Кстати, его высоко ценил Лессинг.

В целом, это время расцвета дидактической и аллегорической поэзии, венцом которого стала поэма «Сети дьявола» (прим. 1416 г.) неизвестного автора. Речь в поэме ведет сам дьявол, называющий себя «палачом Господним» и дающий убийственные характеристики господам, погрязшим в грехах. (Любопытно, знал ли эту поэму Булгаков?)

Значительнейшим явлением в немецкой литературе этой и последующей эпохи были так называемые шванки, веселые, занимательные рассказы, сначала в стихах, а позднее и в прозе. Шванки возникали в противовес изысканному рыцарскому эпосу, тяготевшему к фантастике, и порой до изнеженности сладостным песням миннезингеров, последователей провансальских трубадуров. В шванках, так же, как и во французских фавлю, говорилось о быте, о повседневной жизни простых людей, причем все легко, в шутку, озорно, дурашливо.

Еще в XIII в. увидел свет сборник шванков «Поп Амис» Штрикера. Героем книги был находчивый сельский священник. В духе шванки было что-то, сопоставимое с испанской пикареской: герой, обычно простак, совершал всяческие шутовские проделки и, несмотря на необычайные сложности и препоны, расставляемые недоброжелателями на его пути, выходил «сухим из воды».

Знаменитый шванк «Братец черт» (1488) рассказывал о похождениях черта в монастыре, где и до того были не слишком примерные нравы, а уж после его появления и подавно.

На смену рыцарскому миннезангу пришел бюргерский мейстерзанг. Один из его видных представителей нюрнбергский брадобрей Ганс Фольц (1450 - 1515) сочинял религиозные песни и шванки, сатирические стихи и рассказы, шпрухи, фастнахтшпили, в которых простые люди побеждали господ.

Приведу здесь народное, точнее безымянное (ибо у каждого текста есть свой автор, или «нет такого народа, дорогой Рошфор, который я не мог бы посадить в Бастилию», - как сказал персонаж одного известного отечественного телефильма) стихотворение, в котором как бы концентрируется все вышесказанное.

Портной в аду

(Пер. Л. Гинзбурга)

Под утро, в понедельник,
Портняжка вышел в сад.
Навстречу - черт: «Бездельник,
Пойдем со мною в ад!
Теперь мы спасены!
Сошьешь ты нам штаны,
Сошьешь нам одежонку,
Во славу сатаны!»

И со своим аршином
Портняжка прибыл в ад.
Давай лупить по спинам
Чертей и чертенят.
И черти смущены:
«Мы просим сшить штаны,
Но только без примерки,
Во славу сатаны!»

Портной аршин отставил
И ножницы достал.
И вот, согласно правил,
Хвосты пооткромсал.
«Нам ножницы странны!
Изволь-ка шить штаны.
Оставь хвосты в покое,
Во славу сатаны!»

С чертями трудно сладить.
Портной согрел утюг
И стал проворно гладить
Зады заместо брюк.
«Ай-ай! Ужель должны
Нас доконать штаны?
Не надо нас утюжить,
Во славу сатаны!»

Затем он вынул нитку,
Чертей за шкуру - хват!
И пуговицы начал
Им к брюху пришивать.
И визг и плач слышны:
«Проклятые штаны!
Он спятил! Он рехнулся,
Во славу сатаны!»

Портной достал иголку
И, не жалея сил,
Своим клиентам ноздри
Как следует зашил.
«Мы гибнем без вины!
Кто выдумал штаны?
За что такая пытка,
Во славу сатаны?!»

На стену лезут черти –
Шитье всему виной.
«Замучил нас до смерти
Бессовестный портной!
Не слезем со стены!
Не будем шить штаны!
Иначе мы подохнем,
Во славу сатаны!»

Тут сатана явился.
«Ты, парень, кто таков?
Как ты чертей решился
Оставить без хвостов?
Коль так - нам не нужны
Злосчастные штаны.
Проваливай из ада,
Во славу сатаны!»

«Ходите с голым задом!» -
Сказал чертям портной
И, распрощавшись с адом,
Отправился домой.
Дожив до седины,
Он людям шьет штаны,
Живет и не боится
Чертей и сатаны!

Тем не менее Германия продолжала оставаться страной феодальной, полновластной хозяйкой которой была папская церковь. Поэтому патриоты именно в Риме видели главного своего врага, мешающего объединению страны и миру в ней. К началу XVI в. отношения германских патриотов с папством обострились настолько, что достаточно было выступления Лютера в 1517 г., чтобы вспыхнул пожар Реформации и последовавшей за ней Крестьянской войны.

Нельзя не сказать еще и о том, что, несмотря на все эти национальные особенности, общеевропейские культурные перемены приходят и сюда. Итальянский гуманизм «заразил», конечно, и Германию. Наиболее отличительная черта немецких гуманистов в связи со всем вышеизложенным - сатира. И прежде всего - антиклерикальная.

Да, Германия не выдвинула в своей среде ни Боккаччо, ни Петрарки, ни Ариосто, ни Эразма. Не было у нее и своего Данте, и своего Макиавелли. Зато она родила Гутенберга, Дюрера и Лютера. Немецкие же гуманисты зачитывались злующим древнеримским сатириком Лукианом и внимательно изучали Библию и творчество отцов церкви. Так сказать, готовили Реформацию, не предполагая, что первым делом она обернется против гуманизма, а

победитель Лютер станет их открытым врагом. Впрочем, такова судьба всех в мире революций.

Несколько имен немецких гуманистов для общего сведения: Иоганн из Зааца (1350 - 1414), автор прежде всего книги, пытающейся совместить столь различные устремления, как устремления Библии, Платона и Пифагора; филологи Петер Лудер и Самуэль Карох, образовывавшиеся в Италии; цюрихский каноник и одновременно дерзкий антиклерикал Феликс Хеммерлин (1388 - 1460); переводчики латинской и итальянской литературы Альбрехт фон Эйб (1420 - 1475), Никлас фон Виле; переводчик Эзопа ульмский врач Генрих Штейнхёвель.

К концу XV в. немецкие гуманисты, подобно своим собратьям из других стран Европы, почти полностью перешли на латынь.

В середине XV в. работал крупнейший ученый и мыслитель Николай Кузанский (1401 - ок. 1464), математик и естествовед, видевший в опыте основу всякого знания. Он предвосхитил Коперника, утверждая, что Земля вращается и не является центром Вселенной. Николай Кузанский был кардиналом, однако в богословских своих сочинениях далеко уходил за пределы церковной догматики, ратовал даже за всеобщую рациональную религию, объединившую бы христиан, мусульман и иудеев, и за церковную реформу, умаляющую власть папы, отстаивал он и государственное единство Германии.

Крупнейший просветитель Якоп Вимпфелинг (1450 - 1528) основал научные общества в Страсбурге и Шлейштадте.

Наиболее выдающимся латинским поэтом того времени был крестьянский сын Конрад Цельтис (1459 - 1508), увенчанный императором Фридрихом III лавровым венком. Он был, кстати, первым немецким поэтом, удостоенным такой чести. Кроме того, Цельтис был основателем литературных и научных обществ во многих европейских городах, страстным библиофилом, педагогом, историком и музыкантом. Горацианец и овидианец, Цельтис был пылким лирическим поэтом.

Приведу фрагмент из его стихотворения «К матери пресвятой Богородице - с мольбой о согласии среди князей Германии» в переводе Соломона Апта.

Ты, о дочь небес, Богоматерь-дева,
Мир вдохни в народ, распаленный злобой,
Чтоб немецкий край не сломило бремя
Мерзости нашей.

Чернь кипит, бурлит, разоряя слепо
Все, что не вконец разорили предки,
Стены городов укрепляет, пушки
К бою готовит.

Нам пойти б войной на свирепых турок,
С гордым Римом нам потягаться б в сече
Иль чужих князей потеснить бы к вящей
Славе германцев.

Нет, пуская кровь соплеменным братьям,
Руки мы свои оскверняем только,
Только лишь урон, дураки, себе же
Сами наносим...

Поэт, прозаик и ученый, сын крестьянина-бедняка, занимавший должность профессора в Тюбингенском университете Генрих Бебель (1472 - 1518) прославился сатирической поэмой «Триумф Венеры», в которой античной богине любви служат все церковники от папы до монашки, и «Сборником очень веселых факций», то есть анекдотов, где осмеивается всё и вся. Кроме того, он перевел на латынь, сделав их тем самым общедоступными для европейской культуры, немецкие пословицы и поговорки.

В разных жанрах, включая сатиру, работал Виллибальд Пиркхеймер (1470 - 1530), патриций и меценат, друг Дюрера. Он переводил великих греческих мыслителей на латынь, писал лирические и сатирические стихи.

Крупнейший ученый того времени Иоганн Рейхлин (1455 - 1522) тоже выступал как автор-сатирик, в памфлете «Глазное зеркало» (1511), направленном против церковных фанатиков, ратовал за свободу мысли и уважение к культуре. Ему суждено было положить начало историческому спору, взбудоражившему всю Германию. (Да только ли Германию и только ли в те времена?)

Книги еврея Рейхлина вызвали травлю их автора со стороны кельнских профессоров, добивавшихся его осуждения как еретика, причем его национальное происхождение играло здесь едва ли не решающую роль. Гуманисты же поддержали Рейхлина. В итоге он стал как бы знаменем передовых людей. И они одержали победу над консерваторами и националистами. В 1514 г. Рейхлин опубликовал книгу «Письма знаменитых людей», в которой приводил подлинные письма знаменитостей, разделяющих его взгляды. Эта победа, ознаменовавшаяся выходом «Писем...», во многом обязана деятельности известного вам Эразма Роттердамского, помогавшего немецким гуманистам вести борьбу за новое мировоззрение.

Сокрушительный же удар обскурантам суждено было нанести другой книге - «Письмам темных людей» (1515 - 1517), сочиненной группой гуманистов, среди которых были Крот Рубеан, Герман Буш (ученик Агриколы) и - главный участник - Ульрих фон Гуттен.

«Письма темных людей» - книга вымышленных писем, написанных якобы обскурантами духовному вождю противников Рейхлина магистру Ортуину Грацию. Среди «темных людей», понятно, нет знаменитостей: это все люди мелкие, захолустные, невежественные. Многие читатели попались на эту удочку, приняв художественный, в общем-то, текст за чистую монету документа. Сатира написана на смеси немецкого и кухонной латыни. Пример: «Николай Люминтор шлет столько поклонов магистру Ортуину Грацию, сколько в продолжение года родится блох и комаров». Книжка - образец тотальной сатиры, и больше всего в ней достается псевдоученым и церковникам.

Одним из авторов «Писем...», как я уже сказал, был ярчайший сатирик и публицист Ульрих фон Гуттен (1488 - 1523). Несколько слов о его судьбе и личности.

Родом из франконских рыцарей, Гуттен был, однако, непримиримым противником папского Рима и княжеского самодержавия. Жил он бурно, много сочинял в стихах и в прозе. Испытание же временем выдержала только его публицистика: пять латинских «Речей», направленных против герцога Ульриха Вюртембергского и в целом княжеской тирании, означенные «Письма темных людей» и «Диалоги», появившиеся уже в начале Реформации (1520).

«Буду говорить правду, - пишет Гуттен, - хотя бы мне грозили оружием и самой смертью». Здесь, может быть, уместно вспомнить знаменитый памфлет Солженицына «Жить не по лжи». Все в истории повторяется, меняется лишь антураж.

В 1522 г. союз рыцарей под руководством Франца фон Зиккингена поднял восстание против курфюрста архиепископа Трирского. Гуттен был среди восставших, писал пламенные призывы, на которые, увы, не откликнулись ни бюргеры, ни крестьяне. Восстание было подавлено, Гуттен бежал в Швейцарию, где вскоре и умер. Творчество этого публициста, вероятно, вершина немецкого гуманизма, после чего он начал угасать. Бюргерство капитулировало перед князьями, а Реформация и Контрреформация с равным ожесточением преследовали вольномыслие.

Однако творчеством гуманистов немецкая литература этой эпохи не исчерпывается. Важную роль в литературной жизни, особенно с появлением книгопечатания, играют так называемые «народные» книги. И может быть, не только здесь, ведь некоторые из таких книг имеют очень долгую историю, выходящую за пределы немецкоязычных стран.

Народные книги «Маргелона», «Фортунат», «Эйленшипигель», да и «Фауст» (хоть несколько более поздняя) - явления альтернативной культуры, не противостоящей ученой, гуманистической, а существующей как бы параллельно. Здесь поговорим об одной книге. Она называется «Занимательная книжка о Тиле Эйленшпигеле». Ее герой - типичный герой плутовских романов - веселый подмастерье Тиль, перехитривший всех тупых и корыстных сильных мира сего. По преданию, реальный прототип героя жил в Германии еще в XIV в. Много позднее (в 1867 г.), и не в Германии, а в Бельгии писатель-классик Шарль де Костер создал великий роман о Тиле, превратив веселого пройдоху в борца за освобождение Фландрии.

Гуманизм же закатывался, но не умирал, ибо на закате его и на исходе XV столетия базельский гуманист Себастиан Брант (1457 - 1521) написал на немецком языке сатирико-дидактическую поэму «Корабль дураков» (1494), принесшую ему мировую славу и бессмертие. На обширном корабле (как на Ноевом ковчеге) автор собрал многолюдную толпу дураков, отправляющихся в Наррагонию (страну глупости). Парад дураков возглавляет мнимый ученый, едва знающий несколько латинских слов и набивающий дом книгами, дабы прослыть эрудитом. За ним следуют все и всяческие дураки и карикатуры на глупость.

Приведу для начала парочку стихотворных изречений, право, актуальных во все времена.

Коль сбился твой сынок с пути,
Не медли: розгу в ход пусти,
Сумевши вовремя постичь,
Что бьет больнее Божий бич.

Порою глянешь на иных:
Добро промотано в пивных.
Разумен будь! Не лезь в кабаки,
Живи по средствам! Только так!..

(Пер. Л. Гинзбурга)

А теперь - зачин «Корабля дураков», названный автором «Протест» (пер. Л. Пеньковского).

Когда с таким трудом, упорно
Корабль я этот стихотворный
Своими создавал руками,
Его наполнив дураками,
То не имел, конечно, цели
Их всех купать в морской купели:

Скреб каждый собственное тело.
А впрочем, тут другое дело:
Мне в книгу некие болваны
(Они изрядно были пьяны)
Подсыпали своих стишков.
Но среди прочих дураков
Они, того не сознавая,
Под жарким солнцем изнывая,
На корабле уже и сами
Валялись все под парусами:
Я им заранее, на суше,
Ослиные наставил уши!
Стихи могли быть лучше тут,
Когда б не пострадал мой труд
От строк чужих. Да, не прославил
Себя отнюдь, кто мне их ставил,
Мои повыстриг, не спросив
И смысл местами исказив.
Когда стихи сдаешь в печать,
Приходится их сокращать,
И ужимаются бедняги
В зависимости от бумаги.
Особенно мне неприятно,
Обиднее тысячекратно,
Что, так трудясь и так горя,
Я столько сил потратил зря
(Хотя вины моей тут нет),
Чтоб эта книга вышла в свет
С приписанной мне дребеденью,
Что на меня ложится тенью...

Ну, с Богом! В путь пускайся, судно!
Рожать глупцов довольно трудно –
Особый нужен здесь талант!
А я - дурак Себастьян Брант.

Сей зачин, добавленный к третьему изданию поэмы, красноречиво свидетельствует о популярности книжки, коль скоро во втором издании в авторский текст были, по-видимому, внесены чужие многочисленные вставки.

Ясно также, что «Похвала глупости» Эразма написана именно вослед брантовой поэме. Спустя несколько десятилетий француз Рабле продолжит уже в великой художественной прозе их дело. Пусть книги Эразма и Рабле лучше брантовой, во всяком случае превосходят ее масштабом и литературным блеском, однако первой-то была именно она, поэма «Корабль дураков» Себастиана Бранта.

С XVI в. вообще литература о дураках стала особой ветвью немецкой прежде всего сатиры. Назову лишь одну из многочисленных книг - популярнейшее «Заключение дураков» (1512) Томаса Мурнера (1475 - 1537), о котором Лессинг писал: «Кто хочет познакомиться с нравами того времени, кто хочет изучить немецкий язык во всей его полноте, тому я советую внимательно читать мурнеровские творения». Еще бы! Вот лишь крохотный фрагмент из поэмы в переводе О. Румера.

...Дураков полным-полно.
Беда! В глазах от них темно.
И куда ни сделай шаг,
Там дурак и там дурак.
Их развез по всей земле
На дурацком корабле
Брант Себастиан... Доколе
Дуракам гулять на воле?
Их теперь на свете тьма,
Тех, что бог лишил ума...

А я, вослед Лессингу, советую вам, начав с «Корабля дураков» Бранта, прочесть затем книжку Эразма, а потом одолеть «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Прочтя эти книги, вы, без сомнения, станете другими людьми, ибо все мы до чтения классики и после ее прочтения — по слову Зощенко, «две большие разницы».

В заключение коротко напомним вам о событиях Реформации.

31 октября 1517 г. Мартин Лютер (1483 - 1546), вооружившись молотком и гвоздями, приколотил к дверям виттенбергской церкви свои тезисы против торговли индульгенциями. В этот день началась Реформация. Ненависть к католицизму на время объединила все слои немецкого общества. В ходе событий определился лагерь сторонников умеренной реформы, в который вошли бюргерство, рыцарство и часть светских князей. Лютер стал их духовным вождем. Другой, революционный лагерь крестьян и плебса, возглавил Томас Мюнцер. В общем-то, из-за трусости бюргерства, естественно не желавшего терять своего состояния, революция была быстро свернута, Германия осталась страной феодальной и политически раздробленной, а реальная победа досталась местным князьям. Но все же католицизм утратил гегемонию. Лютер, опираясь на мистическую традицию позднего средневековья, утверждал, что не посредством церковных обрядов, но лишь при помощи веры, даруемой Богом, обретает человек спасение души, что клирик в этом не имеет преимуществ перед мирянином, ибо любой человек может встретиться с Богом на страницах Библии, а там, где говорит Бог, папа должен молчать. Ведь Рим уже давно извратил и поправил заветы Христа.

С годами Лютер оправел, в 1525 г. выступил против вооруженных крестьян, отрекся от требований свободы воли, вначале составлявших едва ли не суть реформы, и заложил основы новой догматики - протестантской. Он объявил разум человеческий «невестой дьявола» и потребовал, чтобы вера «свернула» ему «шею». Он порицал Эразма и других гуманистов. В противовес Эразму, отстаивавшему свободу воли, в трактате «О рабстве воли» Лютер развил учение о предопределении, согласно которому воля и знание не имеют самостоятельного значения, но являются лишь орудием в руках Бога или дьявола.

И все же Лютер есть Лютер: поэт, публицист, мыслитель, человек, перевернувший Европу, создавший если не новую религию, то уж точно новую церковь, собственно, и носящую его имя - лютеранская, или протестантская.

И еще: Лютер был автором многих песен, которые остались в мировой литературе. О них с восторгом отзывались и отзываются высокие профессионалы: достаточно упомянуть хотя бы Гейне. Наконец, перевод Лютером Библии на немецкий язык по сути породил литературный язык Реформации. Приведу здесь лирические тексты Лютера в переводах В. Микушевича. Один из них как раз песня, другой - перепев псалма - распространенное, особенно с легкой руки Лютера, явление в мировой поэзии.

Твердыня наша - наш Господь.
Мы под покровом Божиим.
В напастях нас не побороть.
Все с Богом превозможем.
Наш злой супостат
Свирепствовать рад.
Лукавый силен.
И нет ему препон,
И нет ему подобных.

Давно бы нам пришел конец,
Когда бы не подмога.
Грядет Он, праведный боец,
Святой сподвижник Бога.
Гонимым принес
Победу Христос.
Наш Бог - Саваоф,
И больше нет богов.
За Ним всегда победа.

Пускай вселенная полна
Исчадиями ада,
Нас не проглотит Сатана,
Не нам бояться надо.
Осилим его! Князь мира сего,
Наш враг осужден.
Всесильный, рухнет он
От одного словечка.

Осталось только бы при нас
Навеки Божье слово!
Не пожалеем в грозный час
Имени мирского.
Берите в полон
Детей наших, жен!
Лишите всего!
За нами - торжество!
И царство будет наше!

Из глубины моих скорбей
К Тебе, Господь, взываю.
Слух преклони к мольбе моей.
Я в муках изнываю.
Когда за первородный грех
Ты будешь взыскивать со всех,
Кто на земле спасется?

В небесном царствии Твоем
Лишь благодать всевластна.
И даже праведным житьем
Кичимся мы напрасно.
Не с горделивой похвальбой,
А со смиренною мольбой
Обращаешь милость Божью.

На Господа надеюсь я, -
Не на свои заслуги.
Зовет Его душа моя
В земном своем недуге.
Не нужно мне других наград.
Мой самый драгоценный клад -
Святое слово Божье.

И пусть продлится долго ночь,
И снова на рассвете
Под силу с Богом превозмочь
Сомненья злые эти.
Иаковлев завет храни,
Который нам в былые дни
Дарован духом Божьим!

Пускай, блуждая наугад,
Мы нагрешили много,
Простится больше во сто крат
Тому, кто помнит Бога.
Бог - пастырь добрый. Бог спасет
Заблудший, грешный Свой народ
От всяческих напастей.

В этот же период сложился и развился гений самого, вероятно, великого немца эпохи Возрождения - Альбрехта Дюрера. Это был подлинный титан, представлявший наиболее полное воплощение немецкого творческого гения. Художник и мыслитель, в литературе он оставил не так много, прежде всего «Четыре книги о пропорциях», однако влияние его на всю немецкую культуру, да что немецкую - европейскую, мировую - совершенно уникально.

В XVI в. возникает жанр прозаического бюргерского романа, еще очень близкий народным книгам. Это дидактичные, а временами остроумные полуприключенческие, полувоспитательные книги. Назову романы «О Фортунате и его кошельке» (1509), «Золотая нить» (1557) Иорга Викрама, народный роман «Шильдбюргеры».

Выше я уже упоминал легенду о Фаусте, точнее книга называлась «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике». В свое время нам предстоит подробное знакомство с этой историей и ее многочисленными переложениями. Другая, столь же пролонгированная в истории литературы книга - тоже немецкого происхождения. Это «Краткое повествование о некоем иудее из Иерусалима по имени Агасфер», вышедшее в 1602 г. И если легенду о Фаусте перерабатывали К. Марло, Лессинг, Гете, Клингер, Пушкин, то легенду о Вечном Жиде Агасфере - Шубарт, тот же Гете, Ленау, Эжен Сю, Кюхельбекер, Каролина Павлова и многие другие.

И в заключение несколько слов о самом крупном бюргерском поэте уже собственно XVI века Гансе Саксе (1494 - 1576). Башмачник и поэт, почти всю жизнь он прожил в Нюрнберге, очень любил свой город и неустанно его воспевал. Сакс развил искусство мейстерзинга, прежде всего за счет расширения круга его тем, обычно не выходящих за пределы религиозных. Лучшим в творчестве Сакса считаются и на самом деле являются его шванки, такие как «Портной с флагом», «Святой Петр и коза», «Сатана не пускает в ад ландскнехтов» и пр. Большую известность имели и его комедии, в частности «Извлечение дураков», в которой рассказывается о забавном врачевании занемогшего глупца, распухшего от всевозможных пороков. Ярким, народным, простецким языком, в немалой степени взятом позже на вооружение Гете при сочинении «Фауста», написаны все лучшие произведения Сакса.

«Ганс Сакс, - писал в «Поэзии и правде» Гете, отмечая его влияние на круг поэтов «Бури и натиска», - настоящий мастер поэзии, был к нам всех ближе... Мы нередко пользовались его легким ритмом, его удобной рифмой».

Пусть этот краткий обзор немецкой литературы эпохи Возрождения и будет завершён небольшим классическим шванком Ганса Сакса в переводе А. Энгельке, в котором вы несомненно услышите знакомые вам с детства песенные и басенные интонации.

Крестьянин и смерть

Крестьянин бедный полон дум:
Ему понадобился кум.
Он было в путь, но к воротам
Подходит вдруг Всевышний сам
И вопрошает: «Ты куда?»
«Да кум мне нужен, вот беда!»
«Возьми меня», - Господь в ответ,
Но мужичонка молвит: «Нет!
Ты делишь блага кое-как:
Один - богач, другой - бедняк!»
Идет навстречу Смерть: «А я
Не подойду ли в кумовья?
Коли меня захочешь взять,
То научу я врачевать,
И вскорости ты - богатей!»
«Коль так, нет кума мне милей!»
Вот и дитя окрещено.
Смерть куманьку твердит одно:
«Придешь к больному - так гляди,
За мною только и следи!
Коль в головах я у больного,
То ждать ему конца худого,
Но коли я в ногах стою,
Поборет он болезнь свою».
Раз заболел мужик богатый.
Пришел наш лекарь, кисловато
Взглянул, ответил на поклон,
А сам на кума - где же он?
Глядит - а он в ногах стоит.
Больному лекарь говорит:
«Дай мне двенадцать золотых,
И ты здоров». - «Не жаль мне их!»

Мужик поправился, и вот
О лекаре молва идет,
А тот знай лечит - всякий раз
Лишь с кума не спуская глаз:
Кум в головах - больной не встанет,
В ногах - опять здоровым станет!
Разбогател наш врач: за ним
Лишь посылают за одним.
Через десять лет - увы и ах! -
Смерть уж у кума в головах
Стоит и речь к нему ведет.
«Теперь настал и твой черед!»
Но лекарь просит погодить:
«Дай мне молитву сотворить!
Вот «Отче наш» прочту, - тогда
Уйду с тобою навсегда!»
Согласна Смерть: «Пусть будет так!»
Молиться принялся бедняк.
Но только первые слова
Он произнес едва-едва...
И этак молится... шесть лет:
Конца молитве нет как нет.
Смерть выбивается из сил:
«Ну как? Молитву сотворил?..»
Смекнув, что тут обойдена,
Прибегла к хитрости она:
Прикинулась больной тотчас
И у порога улеглась,
Кричит: «Ах, лекарь! Я в огне!
Лишь «Отче наш» поможет мне!»
Прочел тут врач все до конца –
А Смерть скрутила молодца
И молвила: «Попался, брат!..»
Недаром люди говорят:
От смерти не уйти. Придет
И Ганса Сакса заберет.